

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артур И. Мерфи.</i> Предисловие	6
<i>Артур И. Мерфи.</i> Введение.....	8
<i>Джон Дьюи.</i> Предварительные замечания	36

ФИЛОСОФИЯ НАСТОЯЩЕГО

I. Настоящее как локус реальности.....	43
II. Эмерджентность и идентичность	75
III. Социальная природа настоящего	90
IV. Импликации Я	110

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

I. Эмпирический реализм.....	135
II. Физическая вещь.....	162
III. Научные объекты и опыт.....	182
IV. Объективная реальность перспектив.....	203
V. Генезис Я и социальный контроль	218

<i>Владимир Николаев.</i> Джордж Герберт Мид и его «Философия настоящего».....	237
---	-----

Предисловие

В этом томе содержится материал, из которого должна была вырасти «Философия настоящего» м-ра Мида. Ни одна его часть, кроме двух последних дополнительных очерков, не предназначалась для публикации в том виде, в каком она здесь представлена. Первые четыре главы — это Карусовские лекции, прочитанные на съезде Американской философской ассоциации в Беркли в декабре 1930 г. Они не задумывались как что-то большее, нежели частичное изложение более масштабного проекта. К сожалению, м-р Мид, занимая пост заведующего отделением философии в Чикагском университете, вынужден был посвятить время, зарезервированное им на завершение этих лекций, неожиданным и беспокойным административным делам. Ввиду этого обстоятельства, лекции были написаны в спешке, в значительной мере во время поездки из Чикаго в Беркли, и у него не было возможности непосредственно после выступления приступить к тем исправлениям, которые он собирался внести. К концу января он серьезно заболел и через несколько недель умер. В том виде, в каком лекции опубликованы здесь, они содержательно точно соответствуют тому, как они прозвучали в Беркли; однако весь текст был отредактирован, а вторая лекция разделена на две части, ставшие первой и второй главами. Все сноски были добавлены к оригинальной рукописи редактором.

После кончины м-ра Мида среди его бумаг были найдены еще две рукописи, явно представлявшие собой предварительные наброски Карусовских лекций. Они охватывают по большей части те же темы, что и лекции, но каждая содержит важный дополнительный материал. Первые три дополнительных очерка были отобраны из этих рукописей. Во втором сохранились две параллельные версии анализа. Трудность объяснения, видимо, указывала на желательность такого по-

вторения. Заглавия к этим очеркам были добавлены редактором. Четвертый очерк перепечатывается из Ученых записок VI Международного философского конгресса, а пятый — из апрельского номера «Международного журнала этики» за 1925 г. В каждом из них представлен какой-то существенный аспект теории м-ра Мида, не отраженный в достаточной степени в самих лекциях.

Те, кто знали м-ра Мида по преподаванию, остро почувствуют всю неполноту этого представления его философии. Сам он постоянно, пока мог, перестраивал свою теорию в свете «эмерджентного» материала. Когда я последний раз разговаривал с ним, а было это за неделю до его кончины, он работал с книгой Бергсона «Durée et simultanéité», пытаясь связать ее со своим описанием относительности в третьей главе. Тем не менее важность этого материала — состоящая как в описании развития социального опыта и научной гипотезы, так и в наброске более широкой теории, в направлении которой он двигался, — видимо, полностью оправдывает его публикацию в том единственном виде, в котором его теперь можно сделать доступным нам.

Я глубоко признателен моему коллеге профессору Блейку и мисс Натали Уошберн за их любезную помощь в подготовке рукописи к печати. Указатель к книге подготовлен м-ром Ф.К. Баллейном.

*Артур И. Мерфи
Провиденс, шт. Род-Айленд
Апрель 1932 г.*

Введение

В названии, выбранном м-ром Мидом для этих лекций, — «Философия настоящего» — есть поучительная двусмысленность. Термин «настоящее» не относится здесь непосредственно к нынешней ситуации в философии, скорее он относится к статусу любого объекта, когда он нам является и пока он нам является. Если все существующее в некотором подлинном смысле временно (а с этим, похоже, согласятся сегодня многие философы), то точку его опоры в реальности мы обнаруживаем в том настоящем, в котором оно не просто было или будет, но действительно есть, в полном и категоричном смысле. В темпоралистской философии времена глагола «быть» должны приниматься всерьез, и теория м-ра Мида есть, помимо всего прочего, философия природы в настоящем времени. Она стремится понять мир как сосредоточенный в настоящем и локализовать прошлое и будущее, значения и возможности в их функциях по отношению к нему. Так, увидеть прошлое как прошлое — значит увидеть его, когда оно истекло относительно настоящего, прошлым которого оно является. То, чем оно или что-то еще претендующее на существование могло бы быть независимо от своей временной соотнесенности, эмпирически исследовать невозможно, а если м-р Мид прав, то и не нужно.

Вместе с тем философия бытия в настоящем есть также, в совершенно реальном смысле, философия наших современников. «Процесс», «развитие» и «возникновение» стали в новейшей мысли модными словечками, и хотя сегодня эти веяния уже не так сильны, как десять или даже пять лет тому назад, они все еще представляют для нас главенствующую тему. Лекции м-ра Мида вряд ли займут место в кругу самых популярных проявлений «духа времени», но дают нам

необычайно пытливым и самостоятельным анализ его основных тенденций. Здесь мы находим темпоралистскую философию, берущую на себя интеллектуальную ответственность. Те, кто «принимают время всерьез», найдут в ней продуманную и последовательно темпоральную точку зрения для определения того, какой вклад в нынешней философской ситуации может внести «философия настоящего» в конструктивную и согласованную теорию реальности.

1

В этой теории есть три взаимосвязанных тенденции, каждая из которых играет свою особую роль в целостном взгляде. Постановка самой проблемы и многие из характерных линий ее развития определяются прагматической теорией знания, которую Мид отстаивал в своих прежних работах и которая здесь, после краткой переформулировки (с. 46–47 наст. изд.), берется за основу для всего, что последует дальше. Ее влияние очевидно (1) в установлении философских альтернатив, между которыми должен быть сделан выбор, и (2) в месте, отводимом «опыту» как конечному референту всех притязаний на знание.

(1) По Миду, целое множество традиционных теорий, укорененных в ложной эпистемологии, интерпретируют объекты, к коим отсылает знание, так, что помещают их «вне опыта», не просто в том тривиальном смысле, что считают их чем-то иным, нежели «непосредственными данными сознания», а в «метафизическом» смысле исключения из их перманентной и автономной реальности существенных свойств этого мира общего опыта, в котором имеют место эксперимент и верификация. Когда такие объекты возводятся в ранг уникальных объектов познания, опыт, отпадая от такой реальности, становится «всего лишь видимостью», и экспериментальное удостоверение, которое фактически могут получать наши идеи, ста-

новится нерелевантным для той трансцендентной достоверности, на которую они предположительно претендуют. В противоположность всем таким теориям, прагматисты сочли, что знание относится не к «предшествующей» или «конечной» реальности, а к направлению активности в совместном опыте и к объектам, поскольку они организуют такую активность вокруг значимых целей совместного действия. Например, в критике Мида, обращенной против пространства-времени как «метафизической» реальности, читатель увидит, что этот известный вопрос он внес в философию науки без существенного изменения базовой дихотомии.

(2) М-р Мид настаивает, что взгляд второго типа должен защищать свое верховенство, утверждая, что сам опыт — как просто «наличествующий», «имевший место» или обладаемый — не имеет дальнейшей референции, что в статусе опыта как такового нет значимой философской проблемы. А так как сознание с его использованием идей и значений заключает в себе такую проблематичную референцию, то м-р Мид утверждает далее, что сознание есть развитие в сфере опыта, а не финальная и все содержащая в себе форма нашего отношения к нему. Этот более широкий опыт — мир, который просто «есть в наличии» и в отношении которого не возникает проблемы внешней или трансцендентной референции — является основополагающим для взгляда м-ра Мида и повсеместно им полагается.

Прагматизм как философия обычно стимулировал своих приверженцев действовать в двух направлениях. Во многих случаях первостепенным был полемический интерес; здесь предметом пристального внимания стали грехи и «псевдопроблемы» эпистемолога. Вряд ли будет несправедливо заметить, что хотя эта критика сыграла важную роль в некоторых старых

спорах, сама по себе она остается все же слишком замкнутой на тех самых проблемах, правомерность которых она отрицает, обещая предложить что-то лучшее для будущего. Но когда прагматисты перенесли свою воодушевленность опытом на факт как таковой и привлекли внимание к детальной структуре некоторых объектов знания, вклад их был выдающимся. Именно этим конструктивным прагматизмом и был в первую очередь озабочен м-р Мид. Его подход к специальным проблемам социальной психологии и истории научных идей вообще не был подходом философа, ищущего боеприпасы для подкрепления какого-то особого тезиса; это был подход скрупулезного и оригинального исследователя, видящего предмет в его конкретных деталях и позволяющего ему поведать свою историю.

Эта вторая тенденция в его мысли особенно ярко проявляется в его преданности «исследовательской науке» и тем объектам и методам, которые она предполагает. Он настолько решительно настаивает, в пику феноменализму и релятивизму, на том, что материальные объекты, используемые в физическом эксперименте, нельзя ни свести к чувственным данным, ни проигнорировать как простые видимости, что это требует защиты от подозрений, будто он «гонится за удовольствиями материализма» (с. 191). При обсуждении научных объектов в третьем дополнительном очерке им движет вовсе не материализм, а здравый смысл, соединенный со здоровым уважением к деталям процесса физического открытия, в противоположность огульным обобщениям. И его работа в области социальной психологии представляет уникальную ценность как вклад в социальные науки совершенно независимо от любой конкретной философской интерпретации, которую ей можно было бы дать.

Третий и, наверное, главный элемент этих лекций не вытекает, однако, ни из прагматизма, ни из иссле-

довательской науки, а составляет часть той философии природы, которая, несомненно, будет считаться оригинальным вкладом англо-американской философии 1920-х годов. Книга «Пространство, время и божество» Александра стала пионерской работой в этом переходе от проблем познания — «реализма», «прагматизма» и «субъективизма» — к размышлениям о пространстве и времени и, в конце концов, к метафизике и категориям. Развитие философии Уайтхеда от ее ранней озабоченности «чувственными данными» и логическими конструкциями — через «Понятие природы», с его «объектами» и «событиями», — к смелым размышлениям, содержащимся в «Процессе и реальности», ярко резюмирует тенденции этого периода. И принципы этого развития совершенно естественны. Различные теории знания, бывшие фазами «бунта против дуализма», стремились так или иначе объективировать те черты опыта, которые дуалистическая философия рассматривала как сугубо субъективные. Это означало, что то, что до сих пор размещали в «разуме», должно теперь найти свое место в «природе» и что природа должна быть соответствующим образом реконструирована. И наконец, при распространении относительности на объективный мир от критицизма потребовались такие понятия, как «перспектива», «временная система», «социальность» и т.п., чтобы показать, как эти понятия, очищенные от их сугубо субъективных коннотаций, могут занять место в системе категорий в качестве вездесущих характеристик реальности. «Философия настоящего» — важный вклад в это великое начинание.

Ясно выраженное намерение этой поздней фазы философии м-ра Мида состоит в том, чтобы показать, что «социальный и психологический процесс — это всего лишь случай того, что происходит в природе, если природа есть эволюция». Принципы прагматиз-

ма ни в коем случае не отбрасываются, но обобщаются, чтобы включить весь процесс эволюции, и внутри этого более общего развития отлнчнтельно человеческие, или сознательные, стороны «социальности» и относительности понимаются как особые случаи процесса, охватывающего собой всю природу.

Старые проблемы здесь проявляются снова, но иначе. Поверхностно мыслящий читатель, возможно, найдет в первой главе лишь возрождение памятного спора о нашем знании прошлого. На самом же деле эта теория имеет основания не в специальных требованиях познания или верификации, а в том, что значит быть прошлым, и в статусе эмерджентности и новизны в естественных процессах. Наиболее оригинальная черта этих лекций — смелое привнесение «социального» в то, что является по крайней мере философией природы и, если такое название не покоробит прагматиста, может быть также названо метафизикой.

Жаль, что м-р Мид в силу своей кончины не довел до конца проект, к которому третья и четвертая главы являются в лучшем случае наброском. Можно ли было последовательно довести его до конца, оставаясь в пределах прагматистской теории знания, — тоже вопрос. Мне лично представляется, что «социальность», как и «чувствование» у Уайтхеда, является по существу слишком субъективной категорией для той метафизики процесса, которая их обоих заботила. Однако Мид, как и Уайтхед, и Александер, первым ступил на эту территорию изменения и относительности, которую философия сегодня определенно должна освоить, и его карта этой страны, какой бы она ни была по необходимости неполной, вполне может обрести непреходящую ценность для тех из нас, кто последует, пусть и менее авантюрно, тропами, которые он нам открыл.

Содержание лекций можно разделить следующим образом. В них есть теория о природе времени и эмерджентности, теория об относительности и ее социальных импликациях, а также их синтез в теории эмерджентности как социального и социальности как характеристики эмерджентной эволюции. В этом разделе и в двух следующих мы рассмотрим эти темы по порядку.

Настоящее должно быть принято как локус реальности. Это означает, я полагаю, что рассматривать что-то как реальное значит рассматривать его как существующее в настоящем или в связи с настоящим. Каков же тогда по отношению к любому настоящему статус его прошлого? Это не вопрос о том, чем оно было, когда было настоящим, ведь тогда оно не было прошлым и не находилось в этом отношении, благодаря которому оно приобретает статус прошлости. Прошлое некоторого события — это не просто предшествующее настоящее. Таков основной тезис лекций м-ра Мида, но он не часто получает настолько ясное выражение, как в следующей формулировке: «Когда кто-то вспоминает дни своего детства, он не может войти в них так, как он был в них тогда, вне их связи с тем, чем он стал; а если бы он смог это сделать, т.е. если бы смог воспроизвести опыт так, как он имел место тогда, то он не смог бы его использовать, ведь это предполагало бы, что он не пребывает в том настоящем, в котором это использование должно происходить. Вереница настоящих, внятно существующих как настоящие, никогда не образовала бы прошлого» (с. 73).

Отличительная характеристика прошлого в его связи с настоящим — это явно его неотменяемость. Как обуславливающее настоящее, как делающее возможным его появление прошлое должно быть уже

определенным. Оно выражает устойчивое условие, которому настоящее должно соответствовать и без которого оно не могло бы стать таким, какое оно есть. И это означает не просто предшествующее происшествие, а причинную детерминацию, или, как склонен говорить м-р Мид, «продолжение связей». Прошлое — это то, из чего настоящее выросло, и неотменяемость (здесь можно было бы сделать отсылку к Канту), имеет критическое значение для такого обусловливания.

И все же к этому продолжению идентичных связей дело никогда не сводится. Доктрина эмерджентности побуждает нас считать, что настоящее есть всегда в каком-то смысле новое, внезапное нечто, не детерминированное полностью тем прошлым, из которого оно выросло. Настоящее, если в нем вообще реально есть новизна, будет содержать в себе элемент темпоральной и каузальной прерывности. Новейшая квантовая физика научила нас думать, что такая неопределенность вполне согласуется со строгим физическим анализом (с. 59). Но как возможно примирить эту новизну с научным детерминизмом?

Ответ на этот вопрос устанавливает основополагающие принципы теории. Ни до того как появиться, ни в момент своего появления эмерджентное не вытекает из прошлого. Это прошлое, относительно которого оно было новым, нельзя сделать содержащим его. Но после того как оно уже появилось, мы пытаемся реконструировать опыт в его терминах; мы изменяем нашу интерпретацию и пытаемся помыслить прошлое, из которого следует упорствующий элемент, и устранить тем самым прерывный аспект из его нынешнего статуса. Стало быть, его внезапность устраняется новой точкой зрения, новым множеством законов, исходя из которых условия нашего нового настоящего могут быть поняты. Эти законы не могли быть частью любого прежнего прошлого, ведь в настоящих,

относительно которых существовали эти прошлые, не было такого эмерджентного элемента. Допускать одно-единственное определенное прошлое, с которым каждое настоящее должно полностью соотнобразовываться, значит полностью отрицать эмерджентность. Но в то же время толковать эмерджентное как постоянно чуждый и иррациональный элемент значило бы оставить его абсолютной загадкой. Оно может быть рационализировано *post factum*, в новом настоящем, и в прошлом этого настоящего оно вытекает из предшествующих условий там, где прежде оно не вытекало вообще. Таким образом, как условие настоящего прошлое будет меняться в зависимости от меняющегося настоящего, и в ходе эволюции «позади нас будут вырастать» новые прошлые, поскольку каждое настоящее «выделяет и в каком-то смысле отбирает то, что сделало возможной его специфику» (с. 65).

Есть ли какое-нибудь противоречие между этой новизной прошлого и его принципиальной неотменяемостью? Никакого противоречия, ведь они относятся к прошлому в разных смыслах. Неотменяемое прошлое — это прошлое любого данного настоящего, то, которое отвечает за его появление. Его определяющие условия будут в идеале, если не действительно, целиком определяемыми в настоящем, с которым оно соотносится. Но когда возникает новое настоящее, вместе с эмерджентными фактами, которые не содержались реально в прежнем настоящем, его определяющие условия и, следовательно, его прошлое с необходимостью будут иными. Итак, детерминизм относится к прошлому, предполагаемому в любом настоящем, а эмерджентность в связи с одним из таких настоящих, имеющим свое прошлое, — к другому прошлому.

У этой гипотезы, по мнению Мида, есть два основных преимущества. Во-первых, она объясняет установку ученого-исследователя по отношению к описываемым данным — установку, которая в противном

случае совершенно парадоксальна. Законы любой науки в каком-то смысле реконструируют прошлое, из которого выросли данные ей элементы. В установление прочных законов закладывается много допущений, и для ученого предположить, что настоящее не вытекало из прошлого в рамках установленных им законов, значит отрицать их адекватность интерпретируемым в них данным. Коль скоро это касается любой области, наука стремится быть детерминистской. Вместе с тем это «вытекание» настоящего из прошлого целиком соотносится с данными, на которых базируется интерпретация, и ученый невозмутимо ждет новой интерпретации и, стало быть, нового прошлого, соотносящегося с эмерджентными данными, которые принесет ему будущее. И это сочетание относительного детерминизма с будущей реконструкцией, присутствующее у ученого-исследователя, относится, согласно этой теории, также и к природе, которую он описывает.

Во-вторых, этот взгляд гармонирует с внезапным появлением новизны в опыте и реорганизацией опыта в ее терминах. Этой теме посвящен второй дополнительный очерк. Даже те, кто самым безжалостным образом делят природу надвое, должны признать, что в опыте данные могут появляться как элементы, вторгшиеся в мир, в котором, при его нынешней конституции, для них места нет. Они находятся в противоречии с этим миром, как он в данный момент интерпретируется, и ставят проблему для реконструкции. Толковать мир исключительно в терминах обуславливающих объектов, которые данный период выделил как постоянную основу становления, значит списать новизну на всего лишь субъективный опыт. Однако в случае данных, релевантных его проблемам, ученый не производит такого раздвоения. Скорее он относится к данным как к предварительно выделенным в мире, который в данный момент их не объясняет, но претендующим

на принятие в реконструированный мир, которое может сделать отвергавшиеся ранее факты самой сердцевиной его интерпретации. Так, например, обстояло дело со статусом эксперимента Майкельсона — Морли сначала по отношению к классической механике, а затем в теории относительности. Внутри опыта непрерывно возникают новые объекты, и новое настоящее переориентирует устоявшиеся условия прежней эпохи в свете своих открытий. И если прошлое есть эта переориентация установившихся условий по отношению к данным настоящего, то прошлое эмпирически меняется по ходу эволюции. Это эмпирическое описание было частью философии м-ра Мида многие годы. Новизна настоящего объяснения вырастает из его соответствия структуре временной реальности как таковой, т.е. связи детерминирующего прошлого с эмерджентным настоящим.

В этом пункте читатель, по всей вероятности, возразит, что здесь явно изменяется всего лишь наше видение, или интерпретация прошлого. Само по себе прошлое, разумеется, не изменяется оттого, что мы стали по-новому на него смотреть. Но именно это различие весь анализ м-ра Мида и пытается преодолеть. Для темпоралистской философии прошлое «само по себе» — не прошлое вообще; основанием его прошлости является его связь с настоящим. И эмпирически эта связь является каузальной. Если становление реально, то эта каузальная связь никогда не бывает такой, чтобы при этом исключалась эмерджентность. Когда проявляется эмерджентность, из нее вытекает новая перспектива прошлого, новая соотнесенность — соотнесенность, являющаяся для новой ситуации естественным фактом, хотя она никогда не могла явить себя в прошлом. И новым здесь оказывается как раз то, как нечто, бывшее в былом настоящем просто новым и внезапным, стало частью мира каузальных объектов и, следовательно, частью прошло-

го, через которое они оказывали, как предполагается, свое воздействие. Эта связь реальна, и порождаемое ею перспективное прошлое, прошлое нового настоящего, есть реальное прошлое этого настоящего, и только для какого-то настоящего прошлое вообще может быть реальным.

Наиболее объективную версию этого тезиса м-ра Мида мы находим во второй главе — в противопоставлении прошлого, соотнесенного с настоящим, и прошлого как абсолюта. Он утверждает, особенно в критике Александера, что прошлое, которого требует физика, есть лишь выражение тождественных связей в природе, а не предшествующая среда, существующая сама по себе и порождающая в своем обособленном бытии всю последующую реальность. Пространство-время в метафизике Александера представляет собой, видимо, математическую структуру, извлеченную из связи с интерпретируемыми ею физическими данными и ставшую, во всей ее абстрактной независимости, метафизической матрицей, из которой должны каким-то образом выводиться все тонкости природы. Именно этим, на взгляд Мида, и было бы прошлое «как таковое»: обуславливающей фазой природного процесса, превращенной в метафизическую субстанцию. Поиск такой субстанции не исключается для тех, кого она может интересовать. Но ученому-исследователю нет никакого дела до такого рода вещей.

Таким образом, мы, видимо, открыли в самом временном переходе уникальный вид относительности и множество того, что мы описываем теперь как «временные перспективы», или «системы». Каждая такая система задается временным центром, из которого организуется ее связь с прошлыми событиями, и различаются они прежде всего тем, что то, что будет внешним, контингентным и, следовательно, «эмерджентным» для одной из таких точек зрения, будет «вытекать из» и, следовательно, отражаться в прошлом

другой. Как связаны друг с другом такие перспективы, и как происходит переход из одной в другую? Ответ на этот вопрос можно дать только тогда, когда мы разберемся в природе относительности и ее социальных импликациях.

3

С точки зрения Мида, в наиболее критической своей форме проблема относительности проявляется в теории физической относительности. Его внимание, как заметит даже самый случайный читатель, приковано главным образом к «пространству-времени Минковского». Проблема явлена здесь в характерной форме, и что бы мы ни думали по поводу ее решения, она ставит вопрос, с которым неизбежно сталкиваются философы, работающие над этой темой. Что сделала, по всей видимости, теория относительности, так это подорвала существовавшую для научного исследования верховность мира материальных объектов, в терминах которого привыкла верифицировать свои теории экспериментальная физика. Этот мир, как доказывает Мид в первом дополнительном очерке, никоим образом не есть мир чувственных данных или частных впечатлений. Это мир твердых макроскопических объектов, которые можно измерять и с которыми можно обращаться сообща, — объектов, в которых при меняющихся условиях можно идентифицировать постоянные и относительно обособляемые характеристики, переходя главным образом от зрения к осязанию, от дистанционных к контактным ценностям в том, что Мид называет «областью манипулирования». Верность Лавджоя свойствам, которыми обладает объект «в своих пространственно-временных пределах», дает красноречивое свидетельство той значимости, которую придают таким сущностям здравый смысл и его эпистемологические пророки. Это конечные, стандартные свойства в том смысле, что они дают неоспа-

риваемые критерии, с которыми могут быть сверены сомнительные части опыта. Конечно, эпистемология, делающая проблемой весь опыт, найдет эти факторы такими же сомнительными, как и прочие, но ученого-исследователя эти соображения не сильно заботили. Его «материализм» был не безрелигиозной метафизикой, а экспериментальной опорой на контактные ценности в измерении. Если они тоже «всего лишь относительно» и имеют силу лишь относительно чего-то другого, что само по себе никогда не может быть схвачено в эксперименте, то, видимо, мы разместили наш физический стандарт надежности явно вне материального мира. Прагматист вряд ли сможет обойти вниманием такой кризис.

Так вот, Миду представляется, что именно это и сделала доктрина пространства-времени, воспринятая в простом и реалистическом смысле. Она подрывает авторитет материального объекта и его место в научном эксперименте, не ставя на его место ничего осязаемого. Свидетельства этого трояки. (а) Разрушается различие пространства и времени. А для обычных материальных объектов это различие существенно. «Между тем с точки зрения относительности никакой физической объект не может быть изолирован от того, что с ним происходит» (с. 186). В нем нет постоянства, независимого от его изменений. Опять же, (б) ценности, которые придаются новому физическому объекту, не совпадают с теми, которыми материальный объект может обладать сам по себе; они сущностно относительны. «Энергия, как и пространство-время, — преобразовательная ценность» (с. 189). Это означает, что свойства, через которые мы прежде идентифицировали наши удостоверяющие объекты, не постоянны, а изменчивы, и «метафизический вопрос стоит так: может ли вещь, обладающая меняющимися пространственно-временными и энергетическими параметрами, быть тождественной при разных парамет-

рах, когда у нас есть, по-видимому, только эти параметры, по которым вещь можно определить?» (с. 121). Физика в прошлом довольно часто приписывала мнимо неотъемлемым качествам сугубо относительный статус, но здесь все в корне меняется. Ибо (в) больше невозможно интерпретировать дистанционные ценности в терминах возможного контактного опыта или считать свойства, которые вещь имеет *там, где она есть*, уникально ее характеризующими. Пространственные и временные ценности, коими объект обладает на расстоянии в условиях относительного движения, не будут даже в идеале тождественны ценностям, которые показало бы его измерение в его локальных пространственных и временных единицах. Не можем мы и просто скорректировать дистанционные ценности — данные нам через сигналы — ценностями, которые открыл бы покоящийся на самом теле наблюдатель. Ведь его расчеты выходят точными только тогда, когда он вменяет нам замеренные ценности, которые были бы опровергнуты опытом в нашей манипуляторной области, т.е. при наших локальных временных и пространственных стандартах. Таким образом, в теории относительности дистанционный опыт, выраженный в световых сигналах, начинает обретать самостоятельную ценность, не сводимую к контактными, или локальным, ценностям. Об этом отзывались с энтузиазмом Бруншвиц и с подозрением — Бергсон, приходящий к заключению, что приписываемые времена, определяемые на расстоянии, реально вообще не принадлежат их объектам.

М-р Мид не делает такого негативного вывода. Он довольствуется тем, что следует теории, куда бы она ни повела, и принимает пространство-время за все, что бы ни находил в нем ученый, в противоположность метафизику. Значит ли это, что нам надо истолковать измеряемые ценности физических объектов как «субъективные» и установить вне опыта, в

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru